

ПОКЛОННИКИ джаза давно признали музыканта Игоря БУТМАНА мэтром. А главное - его не только уважают, но и любят. "Виной" тому и его талант саксофониста и композитора, и обаяние, естественная простота Игоря. Он удивительно открыт и доброжелателен. Нет и намек на "звездную болезнь". На первый взгляд очень спокойный и мягкий, он в одно мгновение может превратиться в настоящий вулкан. Особенно если дело касается любимой профессии и связанных с нею непорядочности и предательства.

- ИГОРЬ, раньше многие говорили, что джаз - это музыка толстых...

- Да, а теперь - для тонких, поскольку сейчас все толстые худеют (смеется). Это несчастный Алексей Максимович, или Максим Горький - в общем, наш Горький, который написал много замечательных книжек, сказал вот этот идиотизм, что джаз - музыка толстых. Что он на самом деле слушал и что он понимал под словом "джаз", не знаю. Думаю, это не имело никакого отношения даже к той джазовой музыке, которая существовала тогда. Джаз играли вначале худые бедные негры, и такие же худые евреи, и такие же худые французы, и такие же худые цыгане, которым нечего было есть. Все они были музыкантами-самоучками, и музыка была их отдушиной. Джаз превратился в более элитарную музыку только потому, что стал более сложным, музыканты стали виртуознее. Конечно же, джаз сложнее для восприятия, чем попса. Если двадцать пять раз поют, что все можно исправить с помощью зонга, то, конечно, ты в это поверишь. Или когда тебе сто пятьдесят раз поют: "Будь или не будь", то ты уже думаешь: "Да будь, будь". Джаз сложнее воспринимать, чем повторяющуюся, запоминающую мелодию. Но если в человека проникает вирус джаза, он уже влюбляется в него навсегда и не может слушать более простую музыку.

Вирус джаза

Это так же, как с одеждой. Дойдя до определенного уровня развития, мы уже не можем надевать какие попало вещи. Мы хотим выглядеть хорошо. Даже если нет денег, пытаемся что-то с чем-то соединить, что-то придумать. У нас же не первобытный строй, мы не можем ходить в шурах.

- Где, на ваш взгляд, сейчас больший интерес к джазу: у нас или на Западе, в Америке?

- Трудно сказать. Пожалуй, и у нас, и там все то же самое: все зависит от имени, от цены, от обстоятельств.

- А где больше ходят именно на вас: здесь или там?

- Мы все-таки более известны в России, но начинается наше покорение Запада. Нам приходится еще доказывать, что мы хорошие. Здесь мы уже более-менее доказали, что чего-то стоим.

- Приходилось ли вам слышать упреки в том, что Бутман - это в некотором смысле попса, по крайней мере, ближе к ней, и потому вас часто приглашают участвовать в их концертах...

- Ближе к попсе, чем кто? Чем Башмет?

- К примеру, да.

- Да я, честно говоря, не особенно обращаю внимание на эти разговоры. Хотя иногда бывает обидно, потому что у нас есть замечательные концерты, на которых мы играем серьезную джазовую музыку. Но мы стали очень известными, и нас стали часто приглашать, к стати, так же, как и Башмета. Только Башмет играет классическую музыку. Но на таких концертах он все равно играет какую-то популярную классическую

музыку, в общем-то тоже попсу, хотя это могут быть и сложные произведения. Но даже сложные произведения, исполненные мастером, если они сыграны по-настоящему, оказываются, тоже становятся попсой. И здесь есть вопрос: то, что нас с Башметом очень часто видят, это плохо или хорошо? Или мы должны уйти в тень? Я считаю, что это замечательно, потому что люди приходят и слушают Малера, Гио Канчели, Шостаковича и получают от этого удовольствие. Если бы не Башмет, они бы не пошли в консерваторию. Я не хочу сказать, что мы альтернатива попсе, но все же появился выбор. Теперь люди думают: "Куда пойти? Есть концерт Пугачевой, есть концерт Башмета,

есть концерт Бутмана". И вот если люди над этим задумываются - это уже хорошо, потому что Пугачева - замечательно, но есть и другое. Хотя все, кто у нас на эстраде выбился в настоящие звезды, очень талантливые люди. И сейчас многие эстрадники приглашают джазменов выступать в свои концерты, играть вместе с ними.

- Вы играете на частных вечеринках. Вы считаете зазорным улаживать жующих?

- Ну, а что в этом зазорного? Нас же приглашают играть не фоном, а концертным номером. Публика специально приходит на концертные программы. Бывает, что вначале поет Сергей Пенкин, потом Алла Борисовна, потом мы играем музыку. Ранее случалось, когда в ресторане играл Джо Кокер, а потом - мы.

- Игорь, вы почти восемь лет прожили в Америке. Говорят, там дружат по-другому?

- Взаимоотношения между людьми там такие же, как и у нас, только люди сильнее заняты - делают деньги. Единственное различие: дружбы "неразлейвода", когда приятели общаются каждый день, там не бывает. У каждого свои проблемы, свои дела, но люди встречаются, ездят друг к другу в гости, приглашают на свои дачи, ходят в кино, в рестораны. Хотя и у нас сейчас произошли изменения. Всепоглощающие дружеские отношения были свойственны нам до перестройки, до перехода из Советского Союза в капиталистическую Россию. Сейчас круг общения стал шире, а встречи - реже. Мои ближайшие друзья - мои музыканты, но и с ними поговорить тоже не всегда удается. А вот на гастролях мы сидим, разговариваем - словом, активно дружим. Возвращаемся - и опять у всех своя жизнь: работа, семья. Мы друг к другу в гости каждый день не ходим. Но у меня есть три человека, которым я могу позвонить в любое время, даже ночью.

Марина ЗЕЛЬЦЕР
Фото Сергея ХАЛЬЗОВА